

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

UDC 324
LBC 66.0

Submitted: 31.08.2020
Accepted: 22.01.2021

SPATIAL FEATURES OF ELECTORAL CONFORMISM IN RUSSIA IN THE 2000s

Mihail I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. Introduction. The focus of the article is on identifying spatial patterns of the conformist voting results in the federal elections of Russia in the 2000s. The relevance is due to the fact that against the background of growing social tension in the country there is a territorial and meaningful localization of the protest. Therefore, the analysis of the election results acts as a mechanism for assessing socio-political and protest sentiments in the regions. **Methods and materials.** The methodological basis of the study was the sociological and rational-instrumental approach, according to which voters vote based on their social affiliation and assessments of economic well-being. **Analysis.** The main research methods were statistical analysis methods. Through the use of Pearson's correlation analysis method, the influence of factors on voting was revealed. Calculations of variation coefficients made it possible to analyze the dynamics of electoral behavior for stability in the regions. Based on calculations of average values of loyalty ratios, regions were grouped according to the specifics of electoral behavior. **Results.** It was revealed that there is a significant negative correlation between the share of the Russian population, the level of urbanization and the results of conformist voting. In the recent federal elections, the influence of these factors is weakening, which is associated with the process of nationalization of the party system of Russia. The grouping of regions according to the specifics of the voting demonstrated the presence of moderate electoral nonconformism in almost all subjects of Siberia and the Far East, which creates the prerequisites for fixing the "eastern belt" of protest sentiments. A similar specificity was revealed in two capitals, a number of regions with a low quality of life index in the central and northwestern part of Russia, the exclave Kaliningrad region, the economically depressed Kurgan region, as well as in the Volgograd and Kirov regions. The highest level of electoral conformism is recorded mainly in regions with a high degree of authoritarianism regimes. An analysis of the voting dynamics showed that in the regions in which large-scale protests took place in recent years, during the period before them, stable nonconformist sentiments in the elections formed.

Key words: electoral geography, parliamentary elections, presidential elections, electoral behavior, voting, conformism.

Citation. Krishtal M.I. Spatial Features of Electoral Conformism in Russia in the 2000s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 237-248. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

УДК 324
ББК 66.0

Дата поступления статьи: 31.08.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КОНФОРМИЗМА В РОССИИ В 2000-е ГОДЫ

Михаил Игоревич Кришталь

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. Фокус исследования акцентирован на выявлении пространственных закономерностей результатов конформистского голосования на федеральных выборах России в период 2000-х годов. Актуальность обусловлена тем, что на фоне роста социальной напряженности в стране происходит территориальная и содержательная локализация протеста. Поэтому анализ результатов выборов выступает в качестве меха-

низма оценки общественно-политических и протестных настроений в регионах. Методологической основой исследования выступали социологический и рационально-инструментальный подходы, согласно которым избиратели голосуют исходя из своей социальной принадлежности и оценок экономического благополучия. Основными методами исследования были методы статистического анализа. Посредством использования метода корреляционного анализа Пирсона выявлялось влияние факторов на голосование. Расчеты коэффициентов вариации позволили проанализировать динамику электорального поведения на предмет стабильности в регионах. На основе расчетов средних значений коэффициентов лояльности произведена группировка регионов согласно специфике электорального поведения. Выявлено, что существует значительная отрицательная корреляция между долей русского населения, уровнем урбанизации и результатами конформистского голосования. На последних федеральных выборах влияние этих факторов ослабевает, что связано с процессом национализации партийной системы России. Группировка регионов согласно специфике голосования продемонстрировала наличие умеренного электорального неконформизма практически во всех субъектах Сибири и Дальнего Востока, что создает предпосылки для фиксации «восточного пояса» протестных настроений. Схожая специфика выявлена и в двух столицах, ряде регионов центральной и северо-западной части России с невысоким индексом качества жизни, эксклавной Калининградской области, экономически депрессивной Курганской области, а также в Волгоградской и Кировской областях. Наиболее высокий уровень электорального конформизма зафиксирован преимущественно в регионах с высокой степенью авторитарности режимов. Анализ динамики голосования показал, что в регионах, в которых в последние годы прошли масштабные акции протеста, в течение предшествующего им периода сформировались устойчивые неконформистские настроения на выборах.

Ключевые слова: электоральная география, парламентские выборы, президентские выборы, электоральное поведение, голосование, конформизм.

Цитирование. Кришталь М. И. Пространственные особенности электорального конформизма в России в 2000-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 237–248. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

Введение. Анализ пространственных закономерностей результатов голосования позволяет выявить факторы, влияющие на поддержку действующей власти в регионах, специфику сложившихся в них общественно-политических настроений и степень протестной активности. Данный анализ особенно актуален для крупных государств в силу существенных культурно-исторических, этнических, социально-экономических и иных различий регионов, которые накладывают отпечаток на их электоральный портрет. Безусловно, данное утверждение касается и России.

Использование географического подхода к исследованию электорального поведения актуально для современной России в силу того, что на фоне роста социальной напряженности [22, с. 105] происходит содержательная и территориальная локализация протестных действий. В качестве недавних примеров можно привести протесты в регионах, в основе которых лежат различные факторы: экологические (в Архангельской области и Республике Коми в связи с планами строительства мусорного полигона на станции Шиес), политические (в Хабаровском крае по причине

ареста губернатора С.И. Фургала) и др. В этой связи выборы выступают в качестве механизма оценки общественно-политической и социальной ситуации в субъектах Российской Федерации. Анализ динамики и специфики голосования в регионах, формирование их электоральных портретов может предоставить научную базу, на основе которой могут предприниматься государственные меры по предотвращению социально-политических кризисов.

Фокус настоящего исследования акцентирован на анализе географических особенностей результатов федеральных выборов 2000-х годов. Использование итогов выборов федерального уровня для электорального анализа обусловлено тем, что они отличаются наибольшей активностью избирателей и воспринимаются ими как наиболее значимые. Хронологические рамки научной статьи охватывают период с 2000 г. (прошли президентские выборы, на которых впервые одержал победу В.В. Путин) до 2020 г., когда состоялось общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ.

Этот электоральный период кардинально отличается от периода 1990-х годов. Во-

первых, в партийной системе страны в 2000-е гг. появилась доминирующая партия «Единая Россия», выборы президента страны стали заметно менее конкурентными. Во-вторых, ушел в прошлое привычный для 1990-х гг. электоральный раскол между реформистами (центристы и демократы) и консерваторами (коммунисты и национал-патриоты) [14, с. 14]. В 2000-е гг. возникло новое основное электоральное размежевание в стране, представляющее собой противостояние власти и «невласти» [11, с. 99; 12, с. 63–64]. В-третьих, с 2000 г. сформировалась достаточно устойчивая география голосования в поддержку участников федеральных выборов, представляющих власть (В.В. Путин, Д.А. Медведев и «Единая Россия»), а также поправок в Конституцию РФ в 2020 г., что подтверждают данные корреляционного анализа Пирсона (табл. 1). Этот тип электоральной поддержки обозначается в данном исследовании как конформистское голосование.

В результате в 2000-е гг. в России сформировалась структура электорального пространства, заметно отличающаяся от структуры 1990-х [20, с. 176]. Поэтому целью исследования является выявление региональных особенностей конформистского голосования в России в 2000-е годы. Исходя из поставленной цели выделены следующие задачи:

- выявление факторов, влияющих на уровень конформистского голосования в Российской Федерации;
- группировка регионов России согласно степени конформистского голосования;
- анализ стабильности уровня конформистского голосования в регионах России.

В качестве исследовательских гипотез научной работы представлены два предположения, которые в ряде случаев могут выступать как взаимоисключающие. Первое – начало протестов в регионах является следстви-

ем относительно низкой поддержки властей на выборах. Второе – невысокий уровень конформистского голосования обусловлен возникшей в регионе протестной ситуацией.

Методология и методы исследования. В современной научной литературе можно выделить три основных теоретических подхода электорального поведения: социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный [16]. Социологический подход подразумевает, что электоральное поведение избирателей объясняется их принадлежностью к социальной группе, а также существующими в обществе размежеваниями (cleavages) [24]. В дальнейшем этот подход получил развитие в теории расколов С.М. Липсета и С. Роккана [27]. Они объяснили, что социальная дифференциация создает потенциальную основу для возникновения политических конфликтов, впоследствии приводящих к созданию социальной базы партий.

Для выявления связи между уровнем конформистского голосования и социальной дифференциацией в статье используется метод корреляционного анализа Пирсона. Корреляционные ряды построены в соответствии с административно-территориальным делением России. В качестве независимых переменных использовались такие социальные показатели, как доля русского населения, молодежи и уровень урбанизации в регионах. Эмпирической базой исследования выступали данные переписи населения России 2010 г. [7], которые использовались в качестве медианных показателей в период 2000–2020 годов. Регионы, присоединившиеся к более крупным субъектам страны до 2010 г., не были учтены в ходе корреляционного анализа. Итоги переписи 2014 г. в Крымском федеральном округе (Республика Крым и г. Севастополь) [8] использовались для выявления степени влияния различных факторов на конформистское голо-

Таблица 1. Географическая устойчивость конформистского голосования на федеральных выборах

Table 1. Geographic sustainability of conformist voting in federal elections

2000–2003	2003–2004	2004–2007	2007–2008	2008–2011	2011–2012	2012–2016	2016–2018	2018–2020
$r = 0,45$	$r = 0,8$	$r = 0,75$	$r = 0,86$	$r = 0,87$	$r = 0,92$	$r = 0,86$	$r = 0,86$	$r = 0,76$

Примечание. Составлено автором по: [2].

сование в этих двух регионах. Результаты конформистского голосования были взяты с сайта Центральной избирательной комиссии России [2].

Согласно социально-психологическому подходу в качестве объекта, с которым проявляет солидарность электорат, выступает малая социальная группа: политическая партия, союз, ассоциация [28]. При этом предполагается, что ранняя политическая социализация индивида происходит под серьезным влиянием семьи. Учитывая непродолжительную практику альтернативных выборов в России, среди населения не сложилось устойчивой партийной идентификации, поэтому этот подход не применяется в данном исследовании.

В соответствии с положениями рационально-инструментального подхода [25] электорат голосует за ту политическую силу, которая предоставит ему больше выгод, чем другие. М. Фиорина несколько развил идеи данного подхода, согласно его теории ретроспективного голосования [26] избиратели отдают предпочтение власти исходя из своего экономического положения.

Для подтверждения связи влияния социально-экономических факторов на уровень конформистского голосования в статье также применяется корреляционный анализ Пирсона. В качестве независимых переменных выступали среднеарифметические показатели индексов качества жизни в российских регионах с 2012 по 2019 г., которые в этот период составляло универсальное рейтинговое агентство РИА Рейтинг [18]. Рейтинг регионов основывается на 70 показателях, объединенных в 11 групп: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры. Использование совокупного комплекса социально-экономических показателей для выявления их влияния на электоральное поведение отличается от инструментария, используемого отечественными исследователями,

которые анализируют взаимосвязи голосования с отдельными переменными, отражающими социально-экономическое положение регионов страны [19, с. 52].

Для анализа различий уровней конформистского голосования в работе применяется расчет коэффициентов лояльности (КЛ). Они представляют собой выраженное в процентах отношение доли голосов, отданной избирателями за представителя власти на федеральных выборах или в поддержку поправок в Конституцию РФ в 2020 г., в отдельно взятом регионе к среднеарифметическому значению, полученному среди всех субъектов страны. Затем в случае с каждым регионом по итогам десяти избирательных кампаний рассчитывалось среднеарифметическое значение полученных КЛ, на основе которых производилась группировка субъектов Российской Федерации.

С целью анализа стабильности уровня конформистского голосования в регионах России рассчитывался коэффициент вариации десяти КЛ в каждом субъекте страны. Этот коэффициент представляет собой выраженное в процентах отношение среднего квадратического отклонения и среднего арифметического значения голосования. Чем ниже значение коэффициента вариации, тем стабильнее динамика конформистского голосования в регионе.

В статье не рассматривается влияние фактора электорального абсентеизма на конформистское голосование, поскольку достаточно сложно выявить, почему избиратель не принял участие в выборах: по причине плохой погоды, болезни или из желания протестовать против действующей власти [3, с. 26]. По этой причине в статье не проводится анализ явки избирателей в регионах России.

Анализ. Различные параметры социальной дифференциации, а также качества жизни в регионах на разных этапах имели неравномерную корреляционную связь со степенью конформистского голосования (см. табл. 2). Наибольшая взаимосвязь, причем отрицательная, выявлена между рассматриваемым типом электорального поведения и долей русского населения в регионе. Данный факт подтверждает концепцию Н.В. Зубаревич «Четыре России» [6], согласно которой «четвертая Россия» (национальные республики Северно-

Таблица 2. Корреляционная зависимость между показателями социальной дифференциации и качества жизни в регионах России и результатами конформистского голосования

Table 2. Correlation between indicators of social differentiation and quality of life in Russian regions and the results of conformist voting

Независимые переменные	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.
% русского населения	-0,4 **	-0,72 **	-0,77 **	-0,76 **	-0,72 **
% городского населения	–	-0,39 **	-0,4 **	-0,52 **	-0,43 **
% молодежи	0,24 *	0,47 **	0,42 **	0,57 **	0,47 **
Индекс качества жизни	–	-0,32 **	-0,3 **	-0,38 **	-0,22 *

Примечание. Составлено автором по: [2; 7; 8; 18]; * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Независимые переменные	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.
% русского населения	-0,75 **	-0,74 **	-0,65 **	-0,51 **	-0,33 **
% городского населения	-0,48 **	-0,47 **	-0,47 **	-0,3 **	-0,31 **
% молодежи	0,56 **	0,57 **	0,37 **	0,2 *	0,22 *
Индекс качества жизни	-0,29 **	-0,36 **	–	–	–

го Кавказа и юга Сибири) в силу глубокой зависимости от федеральной помощи демонстрирует наиболее сильную поддержку участников выборов, представляющих власть. Однако можно наблюдать, что этот фактор на последних федеральных выборах оказывал все меньшее влияние. Схожая ситуация фиксируется в случае с корреляционной зависимостью между уровнем урбанизации и конформистским голосованием: на федеральных выборах 2018 и 2020 гг. происходит снижение влияния этого фактора. Факт того, что с ростом доли молодежи происходит повышение уровня конформистского голосования, объясняется тем, что среди регионов, где высок процент молодых людей, преобладают национальные республики. При этом также с 2016 г. происходит снижение роли данной переменной. Социально-экономические факторы, на основе которых формировался индекс качества жизни в регионах, оказывали наименьшее влияние на уровень конформистского голосования. Более того, в ходе избирательных кампаний 2016, 2018 и 2020 гг. их воздействие фактически отсутствовало.

Существенное снижение влияния рассматриваемых факторов на степень конформистского голосования является последствием процесса национализации партийной системы, под которой понимается рост террито-

риальной гомогенности электоральных предпочтений [15, с. 223]. По мнению Р.Ф. Туровского [21], этот процесс происходит под влиянием развития авторитарных черт в российском политическом режиме при параллельном формировании партийной системы с доминирующей партией. Таким образом, упрощение электоральной карты страны стало следствием упрощения структуры партийной системы. При этом автор отмечает нестабильность этого процесса, упоминая периодически возникающие тенденции, способствующие региональной неоднородности электоральных предпочтений [21, с. 104]. Ю.О. Гайворонский подчеркивает [5, с. 57], что важным фактором в национализации партийной системы России является влияние региональных правящих элит, консолидирующих имеющиеся ресурсы и мобилизующих лояльный электорат на подчиненной территории.

Посредством расчетов средних значений КЛ и проведенного на их основе кластерного анализа было выделено пять групп российских регионов согласно сложившейся специфике конформистского голосования (см. табл. 3). Наиболее высокая степень конформизма зафиксирована в республиках Северного Кавказа, в ряде национальных республик Приволжского федерального округа с высокой долей титульного этноса, в Тыве, Калмыкии, а так-

Таблица 3. Кластеры российских регионов согласно средним значениям КЛ (указан в скобках)

Table 3. Clusters of Russian regions according to average CL values (indicated in parentheses)

Крайне высокий уровень электорального конформизма	
КЛ > 135 %	Республика Дагестан (144,4 %); Республика Ингушетия (141,1 %); Республика Кабардино-Балкария (141,1 %); Республика Мордовия (141 %); Республика Тыва (138,8 %); Республика Чечня (149,3 %)
Высокий уровень электорального конформизма	
135 % > КЛ > 115 %	Республика Башкортостан (117,7 %); Республика Калмыкия (115,3 %); Республика Карачаево-Черкесия (132,3 %); Республика Крым (126,6 %); Республика Северная Осетия – Алания (117,1 %); Республика Татарстан (129,6 %); Чукотский АО (120 %); Ямало-Ненецкий АО (121,9 %)
Умеренно высокий уровень электорального конформизма	
115 % > КЛ > 108 %	Республика Адыгея (108,2 %); Кемеровская область (112,1 %); Саратовская область (110,8 %); Севастополь (111,1 %); Тюменская область (112,2 %)
Отсутствие ярко выраженного электорального конформизма/нонконформизма	
106 % > КЛ > 92 %	Республика Алтай (93,8 %); Архангельская область (92,1 %); Астраханская область (100,5 %); Белгородская область (95,9 %); Брянская область (98,4 %); Республика Бурятия (93,6 %); Вологодская область (95 %); Воронежская область (96,1 %); Еврейская автономная область (94,7 %); Забайкальский край (93,7 %); Калужская область (92,2 %); Камчатский край (92,9 %); Республика Коми (96,6 %); Краснодарский край (103,5 %); Курская область (93,6 %); Ленинградская область (98,5 %); Республика Марий Эл (96,3 %); Мурманская область (92,2 %); Нижегородская область (96 %); Новгородская область (92,9 %); Орловская область (92,8 %); Пензенская область (105,9 %); Пермская область (92,7 %); Псковская область (95 %); Ростовская область (104,2 %); Рязанская область (92,8 %); Республика Саха (Якутия) (94,5 %); Свердловская область (93 %); Ставропольский край (97,6 %); Тамбовская область (103,7 %); Тверская область (92,6 %); Тульская область (99,1 %); Ульяновская область (92,6 %); Республика Удмуртия (99,8 %); Ханты-Мансийский АО (98,4 %); Челябинская область (92,5 %); Республика Чувашия (93,9 %)
Умеренный уровень электорального нонконформизма	
92 % > КЛ	Алтайский край (83,3 %); Амурская область (89,9 %); Владимирская область (88,6 %); Волгоградская область (91,5 %); Ивановская область (91,5 %); Иркутская область (85,2 %); Калининградская область (90 %); Республика Карелия (91,2 %); Кировская область (89,5 %); Костромская область (86 %); Красноярский край (86,6 %); Курганская область (91,4 %); Липецкая область (91,8 %); Магаданская область (90,6 %); Москва (87,1 %); Московская область (90,9 %); Ненецкий АО (86,8 %); Новосибирская область (82,5 %); Омская область (83,4 %); Оренбургская область (84,4 %); Приморский край (82,1 %); Самарская область (89,7 %); Санкт-Петербург (91,9 %); Сахалинская область (88,9 %); Смоленская область (89,3 %); Томская область (87,8 %); Хабаровский край (85,6 %); Республика Хакасия (84,5 %); Ярославская область (87,9 %)

Примечание. Составлено автором по: [2].

же в автономных округах, находящихся на Крайнем Севере страны. Социально-экономические показатели и степень экономической зависимости от Федерального центра в данных регионах существенно различаются. Однако большинство из них кроме высокой доли титульного этноса в населении объединяет авторитарный характер региональных режимов [4, с. 35–37]. Он проявляется в контроле над СМИ, низких возможностях политического участия и прихода к власти оппозиции посредством выборов [4, с. 24]. Исключениями являются Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Тыва и особенно Ханты-Мансийский АО.

Поэтому можно предположить, что наиболее высокий уровень электорального конформизма обусловлен не столько социально-экономическими и иными причинами, сколько результатом сложившихся в регионах политических систем, искусственно усиливающих позиции провластных кандидатов. Поэтому возможная демократизация данных региональных режимов может впоследствии привести к возникновению новых специфик голосования в наиболее электорально-конформных субъектах страны. Также в эту группу регионов входит Республика Крым, что обусловлено эффектом воссоединения полуострова с Россией. С те-

чением более продолжительного электорального периода в этом регионе можно ожидать трансформацию предпочтений избирателей. Это утверждение касается и Севастополя, который входит в группу регионов с умеренно высоким уровнем электорального конформизма. Отметим, что Адыгея, Кемеровская и Тюменская области, входящие в данную группу, также отличаются высокой степенью авторитарности своих региональных режимов. Акцентируя внимание на Тыве и Саратовской области как на исключениях взаимосвязи между авторитарностью регионального режима и голосованием, можно предположить, что высокий уровень электорального конформизма в них объясним эффектом друзей и соседей. Он связывает голосование за участников выборов с их территориальным происхождением. В данном случае стоит отметить, что министром обороны России с 2012 г. является уроженец Тывы С.К. Шойгу, а пост председателя Госдумы с 2016 г. занимает В.В. Володин, родившийся в Саратовской области. При этом и до занятия своих нынешних постов их можно было рассматривать в качестве представителей властной элиты.

Во всех регионах Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов, кроме уже упомянутых Кемеровской области, Тывы и Чукотского АО, зафиксированы одни из самых низких средних значений КЛ. Эти субъекты страны или входят в группу регионов, для которых характерен умеренный электоральный конформизм, или находятся на грани попадания в нее. Таким образом, в восточной части России существует сплошной ареал, занимающий огромную территорию, в котором наиболее сильны протестные настроения на выборах. Его формированию способствует совокупность негативных факторов географического и социально-экономического характера [1, с. 48]. Причем основными бенефициарами сложившейся ситуации на выборах являются КППРФ и ЛДПР, пользующиеся на данной территории устойчиво повышенной поддержкой избирателей [17, с. 128]. Можно наблюдать практические проявления таких настроений и на выборах регионального уровня: победа С.Г. Левченко (КППРФ) на губернаторских выборах 2015 г. в Иркутской области, аналогичная победа С.И. Фурга-

ла (ЛДПР) в 2018 г. в Хабаровском крае, избрание главой Якутска С.В. Авксентьевой от «Партии возрождения России» в 2018 г. и т. д. Данная реакция на практике реализуется не только посредством политических действий, но и через миграцию в западную часть России: в период 2000-х гг. в СФО и ДФО зафиксирован самый большой отток населения в стране [23].

Другие конформистские регионы имеют различное географическое и социально-экономическое положение. Умеренный уровень конформистского голосования зафиксирован в мегаполисах с самым высоким уровнем жизни: в Москве, прилегающей к ней Московской области, и Санкт-Петербурге. Такая специфика голосования, вероятно, связана с высокой долей в этих регионах среднего класса, часть которого, главным образом предприниматели и интеллигенция, настроена на экономические и политические изменения в стране [9, с. 180–181]. Также эта группа включает ряд регионов Центрального (ЦФО) и Северо-Западного (СЗФО) федеральных округов с относительно невысоким индексом качества жизни: Карелия, Ненецкий АО, Кировская область, Костромская область, Ивановская область. Таким образом, данная часть России также имеет потенциал для возникновения политического конфликта. Отметим нахождение в группе Курганской области, в которой фиксируется один из самых низких индексов качества жизни, Волгоградской и Кировской областей, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО). Также в эту группу вошла Калининградская область, умеренный электоральный конформизм которой, возможно, связан с особым набором социально-экономических проблем, вызванных эксклавностью [13].

Анализ динамики стабильности специфики голосования продемонстрировал, что сильнее всего показатели КЛ менялись в регионах с крайне высоким уровнем конформизма на выборах (см. табл. 4): в Чечне (коэффициент вариации КЛ – 24,9 %) и Мордовии (21,4 %), а также в Кемеровской области (24,7 %), в которой зафиксирован умеренный уровень электорального конформизма. В Чечне и Мордовии это связано со значительными колебаниями высокого показателя КЛ. Таким

Таблица 4. Динамика КЛ в регионах с наиболее высокой электоральной нестабильностью и в субъектах страны, в которых в последние годы прошли крупные протесты, %

Table 4. CL dynamics in regions with the highest electoral instability and in the subjects of the country in which major protests have taken place in recent years, %

Регион	КЛ 2000	КЛ 2003	КЛ 2004	КЛ 2007	КЛ 2008	КЛ 2011	КЛ 2012	КЛ 2016	КЛ 2018	КЛ 2020	V
Чечня	93	202	127,7	152	126,9	202,2	154,9	186,3	119,5	128,6	24,9
Кемеровская область	46	131,9	98,9	117,6	100,9	130,5	119,9	149,5	111,7	114,7	24,7
Мордовия	110,1	192,7	126,3	142,8	129,2	186,2	135,2	163,2	111,6	112,5	21,4
Архангельский край	109,6	95,9	107,1	86,7	95,9	64,8	90	86,1	98,4	86,5	13,7
Коми	110,1	83,5	101,8	95	102,6	119,5	101	73,3	93,4	85,5	14
Москва	85,1	86,3	95	82,9	102,3	94,7	72,9	73,1	92,7	85,8	10,8
Хабаровский край	91	86,8	89,2	92,8	91,7	77,4	87,2	72,1	86	81,9	7,8

Примечание. Составлено автором по: [2].

образом, в этих регионах менялась не специфика голосования, а степень ее проявления. Несколько иная ситуация в Кемеровской области. На выборах президента России 2000 г. в этом регионе В.В. Путин получил самый низкий результат в связи с участием в избирательной кампании тогдашнего лидера Кемеровской области А.Г. Тулеева. На предстоящих четырех федеральных выборах партия «Единая Россия» получала высокий уровень поддержки, а В.В. Путин и Д.А. Медведев – средний. Однако с 2011 г. в регионе фиксируется исключительно высокий уровень конформистского голосования. Некоторое снижение показателей КЛ в этих регионах произошло в 2018 и 2020 гг., что связано с ростом территориальной гомогенности голосования, происходившим в России в данный период.

Заметим, что согласно статистическим расчетам разброс показателей коэффициента вариации считается неоднородным, если он выше 33 %. Поэтому в целом можно говорить об относительной стабильности результатов голосования в российских регионах.

При анализе динамики голосования был сделан акцент на регионах, в которых в последние годы проходили или проходят крупные протестные акции: Архангельский край, Республика Коми, Москва и Хабаровский край. Выявлено, что в Москве и особенно в Хабаровском крае на протяжении 2000-х гг. сложилась устойчивая специфика умеренного неконформистского голосования. Таким образом, в данных регионах сформировалась общественно-политическая среда, предполагающая при наличии актуальных для населения

поводов возникновения протестной активности. В Республике Коми в 2000-е гг. произошла трансформация электоральной специфики: начиная с выборов в Госдуму 2016 г., в регионе фиксируется умеренный уровень электорального неконформизма. Это не может быть связано с протестами в Шиеесе, которые начались в июле 2018 года. Велика вероятность, что ключевую роль в данной трансформации сыграл арест в 2015 г. главы республики В.М. Гайзера. Во-первых, сам факт задержания руководителя региона, члена «Единой России», повлиял на рейтинг доверия партии. Во-вторых, при В.М. Гайзере активно подавлялись независимые СМИ и оппозиция [10, с. 25], что способствовало искусственному росту электорального конформизма.

В Архангельском крае на президентских выборах избиратели не демонстрировали ярко выраженный конформизм или неконформизм, а в ходе избирательных кампаний в Госдуму и во время голосования по поправкам в Конституцию РФ проявляется с 2006 г. относительно высокая степень неконформистских настроений.

Таким образом, скорее подтвердилась гипотеза, согласно которой масштабные протесты регионального уровня происходят в регионах с высоким по российским меркам уровнем электорального неконформизма. Однако нельзя полностью нивелировать значение ситуативного фактора. Пример тому – итоги голосования по поправкам в Конституцию РФ 2020 г. в Ненецком АО. Это единственный регион, где большинство высказалось «против», что связано с недовольством жителей

относительно планов по объединению автономного округа с Архангельским краем. Хотя нужно отметить, что в Ненецком АО, начиная с выборов в Госдуму 2007 г., стабильно фиксируется значительный уровень электорального неконформизма. Также, как уже упоминалось, ситуативный фактор (эффект воссоединения с Россией) оказывает влияние на голосование в Республике Крым и Севастополе.

Результаты. Обнаружено, что в качестве основных факторов, с которыми сильнее всего коррелирует конформистский тип голосования, причем отрицательно, выступают доля русского населения и уровень урбанизации. Самый высокий уровень электорального конформизма фиксируется в национальных республиках Северного Кавказа, Поволжья, автономных округах Крайнего Севера, Тыве и Калмыкии. Поскольку в большинстве этих регионов проживает более высокая, чем в среднем по стране доля молодежи, корреляция продемонстрировала положительную связь между данной переменной и уровнем голосования. Однако более глубокий анализ позволил предположить, что не эти факторы являются основными составляющими формирования специфики электоральных предпочтений, а степень авторитаризма в данных субъектах России. Именно эта особенность, заключающаяся в сильном контроле над СМИ, низких возможностях участия в политике и прихода к власти оппозиции, объединяет абсолютное большинство регионов с высоким уровнем электорального конформизма. В свою очередь существенной связи между социально-экономическими показателями и долей конформистски настроенного электората не выявлено. Более того, зафиксировано, что значение факторов, имеющих существенную корреляционную связь с итогами голосования, начиная с выборов 2011–2012 гг., заметно снижается. Этот факт является следствием процесса национализации партийной системы, представляющего собой рост территориальной однородности электоральных предпочтений.

В список регионов, для которых характерен умеренный уровень электорального неконформизма, входит большинство субъектов ДФО и СФО. Они формируют огромную по

размерам территорию с относительно высоким протестным потенциалом. Это представляет высокую угрозу для страны по причине геополитической значимости данных федеральных округов, учитывая наличие в них богатых месторождений полезных ископаемых и близость к активно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону. Также в эту группу входят мегаполисы (Москва, прилегающая к ней Московская область, и Санкт-Петербург), экономически депрессивная Курганская область, регионы ЦФО и СЗФО с невысоким индексом качества жизни, эксклавная Калининградская область, а также Волгоградская и Кировская области. Наличие в этой группе регионов с различным социально-экономическим положением и социальной структурой населения позволяет констатировать, что причинные основы электорального неконформизма в России имеют существенные отличия. При этом на географическом уровне можно выделить сразу два территориальных размежевания. В пределах всей страны: более неконформистский Восток – более лояльный и электорально неоднородный Запад. В пределах Европейской части России существует примерно такая же дихотомия в разрезе Север – Юг.

Наибольшая нестабильность динамики голосования присуща регионам со значительным уровнем конформизма на выборах: Чечня, Мордовия и Кемеровская область. В первых двух менялась не специфика голосования, а степень ее проявления. В Кемеровской области произошла трансформация от региона, где В.В. Путин в 2000 г. получил худший результат на выборах (по причине участия в них главы области А.Г. Тулеева), до области с высоким уровнем электорального конформизма.

Анализ электоральной стабильности в регионах, в которых прошли крупные протестные акции, показал, что на протяжении 2000-х гг., или периода, предшествовавшего протестам, на выборах фиксируются существенные неконформистские настроения. Поэтому можно констатировать, что электоральный анализ может выступать в качестве механизма прогнозирования возможных проявлений массового протеста. В качестве примеров, подтверждающих это утверждение, можно привести кейсы в регионах с умеренным электоральным не-

конформизмом: Приморский край (акции протеста 2008–2009 гг. по причине роста ввозных пошлин на иномарки), Калининградская область (протесты 2009–2010 гг. в связи с повышением транспортного налога), Москва (протестные акции 2011–2012 гг., вызванные недоверием к результатам выборов в Госдуму 2011 г., митинг в поддержку И.В. Голунова 2019 г.), Хабаровский край (протесты 2020 г. из-за ареста С.И. Фургала) и т. д. Также в качестве примера можно привести Архангельскую область, лишь формально не вошедшую в данную группу регионов (КЛ = 92,1 %), в которой прошли протестные акции 2018–2020 гг. в связи с планами строительства в ней мусорного полигона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ареал социально-экономического отставания и протестного электорального поведения в восточной части РФ / П. Л. Попов, А. А. Черенев, В. Г. Сараев, Д. А. Галес // *Власть*. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 43–51. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6296>.
2. Архив выборов и референдумов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Ахременко, А. С. Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения / А. С. Ахременко, Е. Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2002. – № 1. – С. 23–49.
4. Гайворонский, Ю. О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения / Ю. О. Гайворонский // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 21–37.
5. Гайворонский, Ю. О. Факторы национализации партийной системы современной России / Ю. О. Гайворонский // *Политическая наука*. – 2018. – № 1. – С. 45–61. – DOI: [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04).
6. Зубаревич, Н. В. Четыре России / Н. В. Зубаревич // *Ведомости*. – 2011. – Т. 30. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_gossii (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/peregpis2010/croc/peregpis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
8. Итоги переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf) (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
9. Камерон, Р. Российский средний класс: Агент демократии или оплот консерватизма? / Р. Камерон // *Политическая наука*. – 2017. – № 1. – С. 162–185.
10. Ковалев, В. А. «Гайзергейт» в Республике Коми: неработающие институты авторитарного администрирования и политический порядок / В. А. Ковалев // *Россия и современный мир*. – 2016. – № 2. – С. 22–38.
11. Коргунюк, Ю. Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения / Ю. Г. Коргунюк // *Политическая наука*. – 2017. – № 1. – С. 90–119.
12. Коргунюк, Ю. Г. Президентские выборы в современной России через призму концепций размежеваний / Ю. Г. Коргунюк // *Полития*. – 2018. – № 4. – С. 32–69. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-32-69>.
13. Кришталь, М. И. Электоральная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности / М. И. Кришталь // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки*. – 2018. – № 2. – С. 93–108.
14. Левада, Ю. А. Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы / Ю. А. Левада // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 1996. – № 2. – С. 13–17.
15. Лихтенштейн, А. В. Федерализм и «партии власти» в России: территориальное распределение электоральной поддержки / А. В. Лихтенштейн // *Третий электоральный цикл в России: 2003–2004 годы. Вып. 14 / отв. ред. В. Я. Гельман*. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 217–245.
16. Мелешкина, Е. Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения / Е. Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2001. – № 2. – С. 187–212.
17. Попов, П. Л. Анализ региональных и макро-региональных факторов поддержки основных политических партий на выборах в ГД РФ 2016 г. / П. Л. Попов, А. А. Черенев, В. Г. Сараев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 436. – С. 124–130. – DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/436/14>.
18. Рейтинговое агентство РИА Рейтинг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rating.ru/regions/> (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
19. Туровский, Р. Ф. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? / Р. Ф. Туровский, Ю. О. Гайворонский // *Полития*. – 2017. – № 3. – С. 42–61. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-42-61>.
20. Туровский, Р. Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследо-

ванию / Р. Ф. Туровский // *Полития*. – 2016. – № 1. – С. 162–180. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

21. Туровский, Р. Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? / Р. Ф. Туровский // *Полития*. – 2012. – № 3. – С. 100–120.

22. Фролов, А. А. Протесты в России: СМИ и реакция властей / А. А. Фролов, А. В. Палагичева, Я. В. Барский // *PolitBook*. – 2018. – № 1. – С. 104–114.

23. Щербакова, Е. М. Миграция в России, предварительные итоги 2019 года / Е. М. Щербакова // *Демоскоп*. – 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php> (дата обращения: 26.08.2020). – Загл. с экрана.

24. Berelson, B. Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign / B. Berelson, P. Lazarsfeld, W. McPhee. – Chicago ; L. : Univ. of Chicago press, 1954. – XIX, 395 p.

25. Downs, A. An economic theory of democracy / A. Downs. – N. Y. : Harper and Row, 1957. – 310 p.

26. Fiorina, M. Retrospective voting in American national elections / M. Fiorina. – New Haven : Yale University Press, 1981. – 193 p.

27. Lipset, S. M. Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction / S. M. Lipset, S. Rokkan // *Party system and voter alignments*. – N. Y. : Free Press, 1967. – P. 27–45.

28. The American Voter / A. Campbell, Ph. E. Converse, W. E. Miller, D. E. Stokes. – N. Y. : Wiley, 1960. – 573 p.

REFERENCES

1. Popov P.L., Cherenev A.A., Saraev V.G., Gales D.A. Areal social'no-jekonomicheskogo otstavaniya i protestnogo jelektoral'nogo povedeniya v vostochnoj chasti RF [Areal of Social and Economic Retention and Protest Electoral Behavior in the East of the Russian Federation]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 43-51. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6296>.

2. Arkhiv vyborov i referendumov [Archive of Elections and Referendums]. *Tsentralnaia izbiratelnaia komissiiia Rossiiskoi Federatsii* [Central Election Commission of the Russian Federation]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (accessed 22 August 2020).

3. Akhremenko A.S., Meleshkina E.Iu. Golosovanie «protiv vseh» kak forma politicheskogo protesta: problemy izucheniia [The “Against All” Voting as a Form of Political Protest: Problems of Study]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2002, no. 1, pp. 23-49.

4. Gaivoronskii Iu.O. Regionalnye politicheskie rezhimy v Rossii: kontseptualnye novatsii i

vozmozhnosti izmereniia [Regional Political Regimes in Russia: Conceptual Innovations and Measurement Possibilities]. *Politeia*, 2015, no. 2, pp. 21-37.

5. Gaivoronskii Iu.O. Faktory natsionalizatsii partiinoi sistemy sovremennoi Rossii [Factors of Nationalization of the Party System of Modern Russia]. *Polis, Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2018, no. 1, pp. 45-61. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.04.

6. Zubarevich N.V. Chetyre Rossii [Four Russias]. *Vedomosti*, 2011, vol. 30. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (accessed 22 August 2020).

7. *Itoги Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda* [Results of the 2010 National Census]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 22 August 2020).

8. *Itoги perepisi naseleniia 2014 goda v Krymskom federalnom okruge* [Results of the 2014 National Census in the Crimean Federal District]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf) (accessed 22 August 2020).

9. Kameron R. Rossiiskii srednii klass: Agent demokratii ili oplot konservatizma? [Russian Middle Class: A Democracy Agent or a Stronghold of Conservatism?]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2017, no. 1, pp. 162-185.

10. Kovalev V.A. «Gaizergeit» v Respublike Komi: nerabotaiushchie instituty avtoritarnogo administrirovaniia i politicheskii poriadok [“Gaisergate” in the Komi Republic: Non-Functioning Institutions of Authoritarian Administration and Political Order]. *Rossiiia i sovremennyi mir* [Russia and the Modern World], 2016, no. 2, pp. 22-38.

11. Korguniuk Iu.G. Vybory po proporsionalnoi sisteme kak massovyi opros obshchestvennogo mneniia [Proportional Elections as a Public Opinion Poll]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2017, no. 1, pp. 90-119.

12. Korgunyuk Yu.G. Prezidentskie vybory v sovremennoi Rossii cherez prizmu kontseptsii razmezhevanii [Presidential Elections in Modern Russia Through the Prism of the Concepts of Cleavages]. *Politiia* [Politiya], 2018, no. 4, pp. 32-69. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-32-69>.

13. Krishtal M.I. Elektoralnaia spetsifika Kaliningradskoi oblasti v usloviakh eksklavnosti [The Electoral Specifics of the Kaliningrad Region in the Conditions of Exclavity]. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriiia: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences], 2018, no. 2, pp. 93-108.

14. Levada Yu.A. Sotsialno-prostranstvennaia struktura rossiiskogo obshchestva: tsentr i region [Socio-Spatial Structure of Russian Society: Center and

Regions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 1996, no. 2, pp. 13-17.

15. Liechtenstein A.V. Federalizm i «partii vlasti» v Rossii: territorialnoe raspredelenie elektoralnoi podderzhki [Federalism and “Parties of Power” in Russia: Territorial Distribution of Electoral Support]. Gel'man V.Ja. ed. *Tretii elektoralnyi tsikl v Rossii: 2003–2004 gody* [Third Electoral Cycle in Russia: 2003–2004]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, pp. 217-245.

16. Meleshkina E.Yu. Issledovaniia elektoralnogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia [Studies of Electoral Behavior: Theoretical Models and Problems of Their Application]. *Politicheskaia nauka* [Political Science], 2001, no. 2, pp. 187-212.

17. Popov P.L., Cherenov A.A., Saraev V.G. Analiz regionalnykh i makroregionalnykh faktorov podderzhki osnovnykh politicheskikh partii na vyborakh v GD RF 2016 g. [Analysis of Regional and Macro-Regional Factors for Supporting the Main Political Parties at the Elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 436, pp. 124-130. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/436/14>.

18. *Rejtingovoe agentstvo RIA Rejting* [Rating Agency RIA Rating]. URL: <https://riarating.ru/regions/> (accessed 22 August 2020).

19. Turovskii R.F., Gaivoronskii Iu.O. Vliianie ekonomiki na elektoralnoe povedenie v Rossii: rabotaet li «kontrakt» vlasti i obshchestva? [The Influence of the Economy on Electoral Behavior in Russia: Does the “Contract” of Power and Society Work?]. *Politeia*, 2017, no. 3, pp. 42-61. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-42-61>.

20. Turovskii R.F. Natsionalizatsiia i regionalizatsiia partiinykh sistem: podkhody k issledovaniiu [Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research]. *Politeia*, 2016, no. 1, pp. 162-180. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

21. Turovskii R.F. Elektoralnoe prostranstvo Rossii: ot naviazannoi natsionalizatsii k novoi regionalizatsii? [The Electoral Space of Russia: From Imposed Nationalization to New Regionalization?]. *Politeia*, 2012, no. 3, pp. 100-120.

22. Frolov A.A., Palagicheva A.V., Barskii Ia.V. Protesty v Rossii: SMI i reaktsiia vlastei [Protests in Russia: Media and Government Reaction]. *PolitBook*, 2018, no. 1, pp. 104-114.

23. Shcherbakova E.M. Migratsiia v Rossii, predvaritelnye itogi 2019 goda [Migration in Russia, Preliminary Results of 2019]. *Demoskop Weekly*, 2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php> (accessed 26 August 2020).

24. Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. *Voting: A study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1954, XIX, 395 p.

25. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York, Harper and Row Publ., 1957. 310 p.

26. Fiorina M. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven, Yale University Press, 1981. 193 p.

27. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments: An Introduction. *Party System and Voter Alignments*. New York, Free Press Publ., 1967, pp. 27-45.

28. Campbell A., Converse Ph.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. New York, Wiley Publ., 1960. 573 p.

Information About the Author

Mihail I. Krishtal, Candidate of Sciences (Geography), Researcher, Sociological Lab of the Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevsky St, 14, 236041 Kaliningrad, Russian Federation, MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

Информация об авторе

Михаил Игоревич Криштал, кандидат географических наук, научный сотрудник, Социологическая лаборатория Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. А. Невского, 14, 236041 г. Калининград, Российская Федерация, MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>